Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 15, Is. 3, pp. 560–578, 2022
Journal homepage: https://kigiran.elpub.ru

CC BY NC ND

УДК / UDC 902.2
DOI: 10.22162/2619-0990-2022-61-3-560-578

Новые данные о стоянке *Курпеже-молла* в Северном Прикаспии

Александр Алексеевич Выборнов[1], *Ирина Николаевна Васильева*[2], *Наталья Сергеевна Дога*[3], *Марианна Алексеевна Кулькова* [4]

[1] Самарский государственный социально-педагогический университет (д. 65/67, ул. М. Горького, 443099 Самара, Российская Федерация)
доктор исторических наук, профессор, заведующий
0000-0002-3893-2933. E-mail: vibornov_kin@mail.ru

[2] Самарский государственный социально-педагогический университет (д. 65/67, ул. М. Горького, 443099 Самара, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
0000-0002-0808-1285. E-mail: in.vasil@mail.ru

[3] Самарский государственный социально-педагогический университет (д. 65/67, ул. М. Горького, 443099 Самара, Российская Федерация)
аспирант
0000-0003-0551-4345. E-mail: natalidoga@yandex.ru

[4] Российский государственный педагогический университет (д. 48/1, наб. р. Мойки, 191186 Санкт-Петербург, Российская Федерация)
кандидат геолого-минералогических наук, доцент
0000-0001-9946-8751. E-mail: kulkova@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2022
© Выборнов А. А., Васильева И. Н., Дога Н. С., Кулькова М. А., 2022

Аннотация. *Введение.* В статье анализируются материалы опорного памятника прикаспийской культуры на территории Северного Прикаспия. С этой культурой исследователи связывают два важнейших достижения первобытного общества: появление металлообработки и производящего хозяйства. *Целью* работы является выявление культурно-хронологических комплексов стоянки *Курпеже-молла*. В *задачи* исследования входят характеристика каменного и керамического инвентаря, их культурная атрибуция, сравнительный анализ технологии изготовления сосудов различных культур и определение их абсолютного возраста. *Материалы и методы.* Источниковой базой статьи стали материалы основной стоянки прикаспийской культуры *Курпеже-молла*. Она изучалась с 1980 по 1989 гг., но в научный оборот введены ре-

зультаты только первых пяти лет исследований. В работе впервые публикуются и анализируются комплексы всех лет исследования. В ходе изучения применялись типологический, планиграфический, технико-технологический и радиоуглеродный методы. *Результаты*. По итогам типологического анализа, кроме сосудов прикаспийской культуры, удалось выявить керамику хвалынской и более поздних типов. Это подтвердилось и выявлением внутри каменного инвентаря артефактов, характерных для раннего энеолита. Технико-технологические параметры гончарного производства прикаспийской и хвалынской посуды оказались схожи, вместе с тем были выявлены и определенные различия. Установлен достаточно ранний возраст первой из них и более позднее время бытования второй. *Выводы.* На основе всестороннего анализа материалов стоянки *Курпеже-молла* установлен ее многокомпонентный характер. Кроме артефактов прикаспийской культуры, присутствуют материалы хвалынского типа. Полученные радиоуглеродные даты фиксируют более ранний возраст прикаспийских древностей. Прослежены как сходные, так и отличительные признаки в типологии и технологии изготовления посуды этих культур. Это может свидетельствовать о перерастании прикаспийской керамической традиции в хвалынскую или об их сосуществовании.

Ключевые слова: Северный Прикаспий, энеолит, хвалынская и прикаспийская культуры, керамика, технико-технологический анализ, радиоуглеродные даты, хронология

Благодарность. Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ «Неолитизация Нижнего Поволжья: междисциплинарный подход» (№ 22-28-00082).

Для цитирования: Выборнов А. А., Васильева И. Н., Дога Н. С., Кулькова М. А. Новые данные о стоянке *Курпеже-молла* в Северном Прикаспии // Oriental Studies. 2022. Т. 15. № 3. С. 560–578. DOI: 10.22162/2619-0990-2022-61-3-560-578

The Site of Kurpezhe-Molla (Northern Caspian): Introducing New Data

Aleksandr A. Vybornov[1], *Irina N. Vasiljeva*[2], *Natalya S. Doga*[3], *Marianna A. Kulkova*[4]

[1] Samara State University of Social Sciences and Education (65/67, M. Gorky St., 443099 Samara, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Professor, Head of Department
0000-0002-3893-2933. E-mail: vibornov_kin@mail.ru

[2] Samara State University of Social Sciences and Education (65/67, M. Gorky St., 443099 Samara, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Senior Research Associate
0000-0002-0808-1285. E-mail: in.vasil@mail.ru

[3] Samara State University of Social Sciences and Education (65/67, M. Gorky St., 443099 Samara, Russian Federation)
Postgraduate Student
0000-0003-0551-4345. E-mail: natalidoga@yandex.ru

[4] Herzen University (48/1, Moyka Emb., 191186 St. Petersburg, Russian Federation)
Cand Sc. (Geology and Mineralogy), Associate Professor
0000-0001-9946-8751. E-mail: kulkova@mail.ru

© KalmSC RAS, 2022
© Vybornov A. A., Vasiljeva I. N., Doga N. S., Kulkova M. A., 2022

Abstract. *Introduction.* The article analyzes materials from one reference site of the Caspian culture in the Northern Caspian. Two main achievements of prehistoric society — emergence of metalworking and that of productive economy — are associated with this culture. *Goals*. The paper aims to identify cultural and chronological complexes inherent to the site of Kurpezhe-Molla. So, the study seeks to

characterize stone and ceramic inventories, their cultural attributions, attempts a comparative analysis of pottery production techniques in different cultures, and determines their absolute ages. *Materials and methods.* The work focuses on materials from Kurpezhe-Molla — a key site of the Caspian culture. The latter was being excavated from 1980 to 1989 to have yielded publications covering the first five years only. This paper is first to publish and consider complexes of all years of research. The employed research methods include the typological, planigraphic, technical/technological, and radiocarbon ones. *Results.* Typological analysis makes it possible to identify ceramics of the Khvalynsk and later cultural types (in addition to ceramics of the Caspian culture proper). This was confirmed by that the stone artifacts included some typical for the Early Eneolithic. Technical and technological characteristics of the Caspian and Khvalynsk pottery samples prove similar enough but there are some differences. The work estimates an earlier age of the Caspian culture and a later one for that of Khvalynsk. *Conclusions.* Comprehensive insights into respective materials attest to a complex character of the site of Kurpezhe-Molla. Artifacts of the Caspian culture proper are paralleled by materials of the Khvalynsk type. The radiocarbon dates obtained imply the Caspian materials be referred to an earlier period. The paper traces both similar and distinctive features inherent to typology and manufacturing techniques characteristic of the archaeological cultures examined. This may indicate the Khvalynsk ceramic tradition had evolved from the Caspian one, or serve evidence of their coexistence at a certain stage**.**

Keywords: Northern Caspian, Eneolithic, Khvalynsk culture, Caspian culture, ceramics, technical and technological analysis, radiocarbon dating, chronology

Acknowledgements. The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 22-28-00082 ‘Neolithicization in the Lower Volga: An Interdisciplinary Approach’.

For citation: Vybornov A. A., Vasiljeva I. N., Doga N. S., Kulkova M. A. The Site of Kurpezhe-Molla (Northern Caspian): Introducing New Data. *Oriental Studies*. 2022; 15(3): 560–578. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2022-61-3-560-578

Введение

Территория Северного Прикаспия имеет большое значение для исследования процессов формирования ямной культуры раннего бронзового века. Учитывая актуальность этой темы, интерес специалистов, изучающих ее, не ослабевает. Это касается в первую очередь предшествующих прикаспийской и хвалынской культур эпохи энеолита. Ученые связывают деятельность их носителей с появлением признаков производящего хозяйства и обработки металлов [Васильев 1981; Юдин 1995; Моргунова 2011].

Изучение столь важных достижений должно базироваться на основательной фактологической базе. И если для хвалынской культуры в распоряжении исследователей в Нижнем Поволжье были как поселенческие, так и погребальные памятники, то со стоянками прикаспийского типа дела обстояли значительно хуже. Это касается как общего количества этих памятников, так и их качества. Достаточно сказать, что в Северном Прикаспии до сих пор опорным комплексом остается стоянка *Курпеже-молла*, исследованная в 80-е гг. XX в. [Барынкин, Васильев 1985], а малочисленность находок на этих памятниках дали основания исследователям рассматривать их как сопутствующий компонент хвалынской культуры [Барынкин 2003: 49–50].

Не менее сложная ситуация с разработкой вопроса о появлении производящего хозяйства. Специалисты связывали этот процесс с деятельностью носителей хвалынской культуры, а на стоянке *Курпеже-молла* определялись только кости диких видов животных [Кузьмина 1988].

Дальнейшие изыскания показали, что есть веские основания увязывать появление в Северном Прикаспии скотоводства уже с функционированием прикаспийской культуры [Vybornov, Kositsev, Kulkova 2015; Выборнов и др. 2019]. Похожая ситуация и с вопросом о времени прикаспийской культуры. Одни исследователи относят ее к раннему энеолиту [Васильев 1981; Барынкин 1992; Юдин 2005], а есть гипотеза о ее переходном от неолита к энеолиту статусе

[Выборнов, Дога, Кулькова 2020]. В значительной мере все эти вопросы проистекают в большой степени от характера источников. Поэтому имеет большое значение неоднократное обращение к первоисточникам на новом информационном поле и методическом уровне. Исходя из этого, целью предлагаемой работы является анализ материалов стоянки *Курпеже-молла* на предмет установления гомогенности ее материалов или выявления многокомпонентности. Для достижения поставленной цели необходимо решить ряд задач. Во-первых, охарактеризовать керамику и каменный инвентарь. Во-вторых, определить культурную принадлежность тех компонентов, которые не являются прикаспийскими. В-третьих, провести сопоставление технологии изготовления различных типов посуды. В-четвертых, определить хронологические рамки различных комплексов. Результаты выполненных задач будут обладать научной новизной и значимостью.

Материалы и методы исследования

Начиная с работ А. Н. Мелентьева по изучению прикаспийской культуры, обращалось внимание на особый характер памятников каменного века в полупустынном Северном Прикаспии. Это проявлялось в редкой сохранности культурных слоев, их минимальной мощности, расположении артефактов отдельными скоплениями вокруг очажков, небольшом количестве находок и пр. [Мелентьев 1976: 13–14].

В этот ряд уместно добавить еще один момент, который в этом регионе фиксируется достаточно часто: заселение одних и тех же площадок в разные времена или частичное наложение разнокультурных артефактов. Не стала исключением и стоянка *Курпеже-молла*. Исследователи, описывая материалы, полученные в ходе изысканий 1980–1984 гг., охарактеризовали специфику культурного слоя, выявили своеобразие концентрации находок, четко определили культурную принадлежность керамического и каменного инвентаря [Барынкин, Васильев 1985]. Последнему способствовали признаки, которые определил для прикаспийской культуры А. Н. Мелентьев. В керамическом инвентаре это примесь раковины в глиняном тесте, воротничковое утолщение венчика, орнамент из оттисков гребенчатого штампа в сочетании с прочерками, доминанта кварцитового сырья для изготовления орудий. Поэтому при описании коллекции каменных изделий авторы обратили внимание на то, что ряд типов орудий не соответствует набору изделий «прикаспийцев», а присущ комплексам мезолита и неолита: микроскребки, острия, пластинки с притупленным краем, трапеция со струганной спинкой [Барынкин, Васильев 1985: 65]. Исследователи отмечают в одном из скоплений находку обломка медного острия, но не акцентируют его привязку к комплексу прикаспийской культуры [Барынкин, Васильев 1985: 59]. Это весьма важный момент, так как данное изделие могло бы стать доказательством энеолитического возраста последней. Однако следов металлообработки на памятниках мариупольской культурно-исторической области Поволжья и Подонья пока не обнаружено, даже в погребальных комплексах. Неслучайно выдвинута гипотеза о переходном статусе этих древностей.

Учитывая, что в различные годы изучения памятника были обнаружены и разнообразные фрагменты керамики, необходим не только их дополнительный типологический, но и планиграфический анализ. Для более четкой культурной атрибуции ряда сосудов был осуществлен технико-технологический анализ. До сих пор оставался открытым вопрос о четких временных границах памятников прикаспийской культуры Северного Прикаспия. Объясняется это отсутствием гомогенных слоев, смешанным характером фаунистических остатков и пр. Поэтому были проведены радиоуглеродные датировки непосредственно по органике в керамике прикаспийского типа. Данная методика имеет определенный недостаток, связанный с тем, что посуда из Северного Прикаспия сделана из озерного ила с примесью раковин пресноводных моллюсков. Этот материал мог приводить к удревнению значения полученной даты. Однако можно привести примеры для культур данного региона, которые свидетельствуют о том, что применяемая методика [Кулькова 2014] достаточно надежна. Так, для хвалынской культуры первоначально по керамике опорного памятника *Кара-худук* были получены даты порядка 5 950–5 820 лет ВР, а потом аналогичные значения по костям животных [Выборнов и др. 2019: 362]. Не случайно

специалисты по радиоуглеродному датированию допускали приемлемость методики датирования по керамике [Зайцева и др. 2011: 385].

Памятник находится в 70 км к востоку от с. Досанг Красноярского района, на границе Астраханской и Атырауской (Гурьевской) областей. На площади стоянки и в непосредственной близости от нее в различные годы были собраны черепки, которые по своим технико-типологическим признакам относятся как к бронзовому, так и более позднему времени. Поэтому наиболее вероятно отнесение обломка медного изделия именно к этим культурам.

По публикации 1985 г. керамическая коллекция памятника *Курпеже-молла* состояла из 131 фрагмента от 6–7 сосудов. Авторы отмечали обильную примесь толченой раковины в тесте, наличие воротничкового венчика, раздутое тулово, стянутый верх и чуть отогнутый венчик [Барынкин, Васильев 1985: 59]. Как основной элемент орнамента выделялись отпечатки гребенчатого штампа. Большое место в композиции занимают прочерченные линии. Комбинации двух этих элементов образуют характерные для данного типа керамики орнаментальные композиции в виде очерченных полос отпечатков гребенчатого штампа. Композиционные зоны по тулову сосуда образуют сложные меандровые мотивы [Барынкин, Васильев 1985: 60–61].

После 1985 г. изыскания на памятнике были продолжены. Обнаруженные позднее материалы опубликованы не были. В связи с этим современная керамическая коллекция стоянки несколько отличается от опубликованной ранее. На сегодняшний день в энеолитическую коллекцию памятника входит 102 фрагмента керамики от 31 сосуда.

Типологический анализ керамики и каменного инвентаря

Материалы памятника содержат три культурно-хронологических комплекса:

1. Прикаспийский комплекс. Керамика представлена плоскодонными сосудами с колоколовидным туловом, с отогнутой наружу горловиной и массивным утолщением — воротничком (при этом имеется часть сосудов без воротничка), орнаментированными преимущественно гребенчатым штампом и прочерченными прямыми и изогнутыми линиями, образующими меандровидные фигуры. В современной коллекции содержится 16 сосудов прикаспийской культуры, которые можно разделить на несколько подгрупп:

– семь сосудов с орнаментацией в виде сочетания отпечатков гребенчатого штампа и прочерков (рис. 1: *1–7*). По срезу одного из венчиков нанесены насечки (рис. 1: *6*);

– пять экземпляров украшены оттисками гребенчатого штампа. Два воротничковых венчика, один из которых орнаментирован косыми, а другой — косыми и вертикальными линиями гребенчатого инструмента (рис. 1: *8*, *9*). Стенки от других сосудов несут отпечатки зубчатого штампа разной плотности и размера (рис. 1: *10–11*);

– два сосуда орнаментированы в технике шагающей гребенки в сочетании с прочерченными линиями. Воротничковый венчик первого украшен волнистыми прочерченными линиями и отпечатками гребенчатого штампа в технике шагания. На одном из фрагментов венчика имеется сквозное отверстие. С внутренней стороны венчика нанесены волнистые прочерки. Зона под венчиком украшена плотно поставленными рядами шагающей гребенки. По тулову сосуда волнистые прочерченные линии образуют зоны, заполненные шагающей гребенкой. С внутренней стороны сосуд заглажен зубчатым инструментом (рис. 2: *1–2*). Другой сосуд украшен плотными рядами шагающей гребенки и прямыми прочерками. Фрагмент плоского днища от этого сосуда так же орнаментирован шагающей гребенкой (рис. 2: *3–5*). Фрагмент воротничкового венчика на бордюрной зоне имеет ряды вертикальных прочерков (рис. 2: *6*). Еще один обломок венчика сосуда не орнаментирован. Толщина фрагментов сосудов всех подгрупп колеблется от 0,7 до 1,0 см, а диаметр венчиков — от 8 до 30 см. В качестве способов техники нанесения декора использованы: прочерчивание, штампование, шагание и в отдельных случаях накалывание. Отпечатки гребенчатого штампа являются преобладающим элементом орнаментальных композиций и составляют 75 % от всей группы керамики прикаспийской культуры.

Каменный инвентарь характеризуется кварцитовым комплексом, что характерно для прикаспийской культуры. Изделия представлены концевыми скребками на

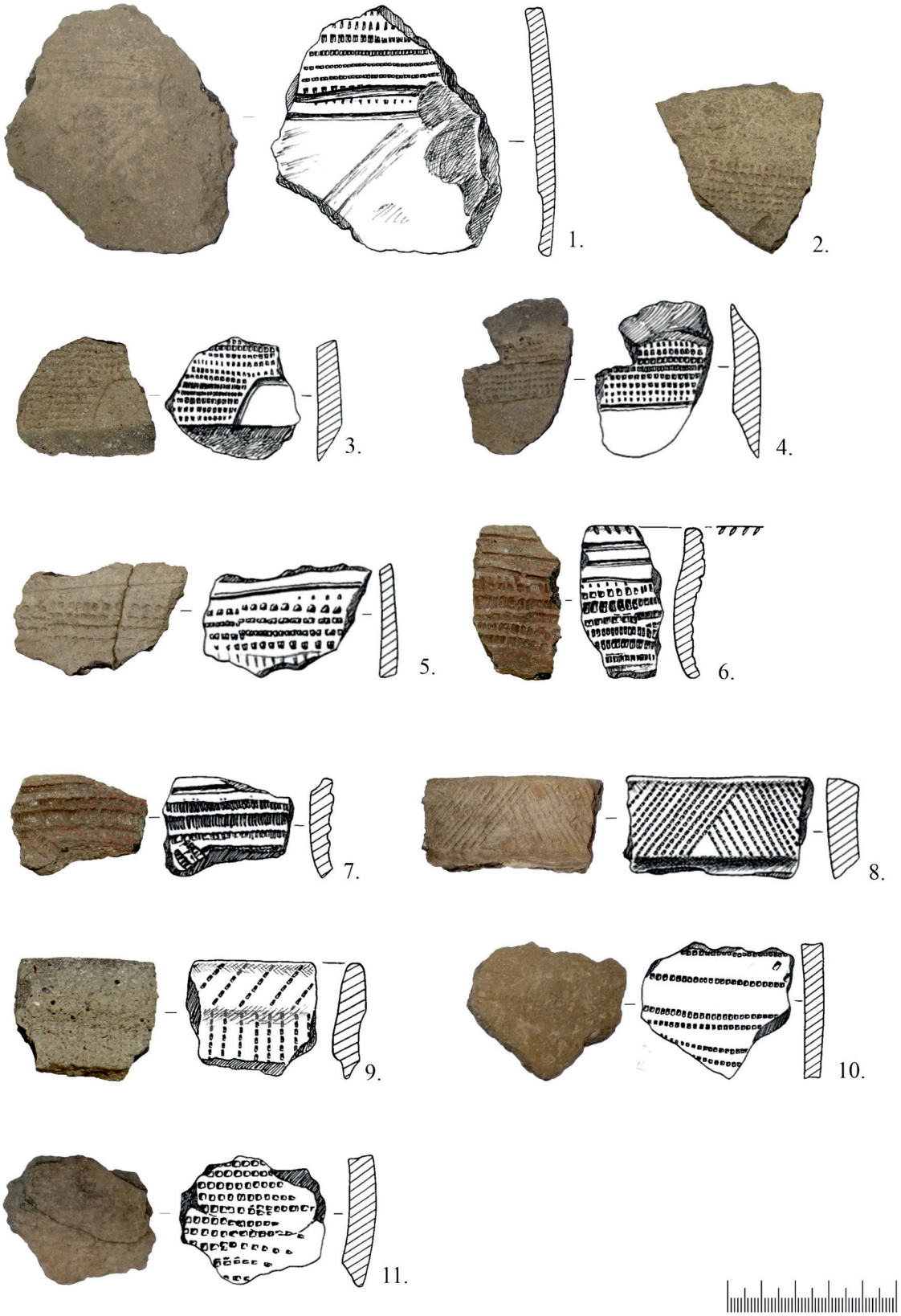

Рис. 1. Керамика прикаспийской культуры
[*Fig. 1.* Ceramics of the Caspian culture]

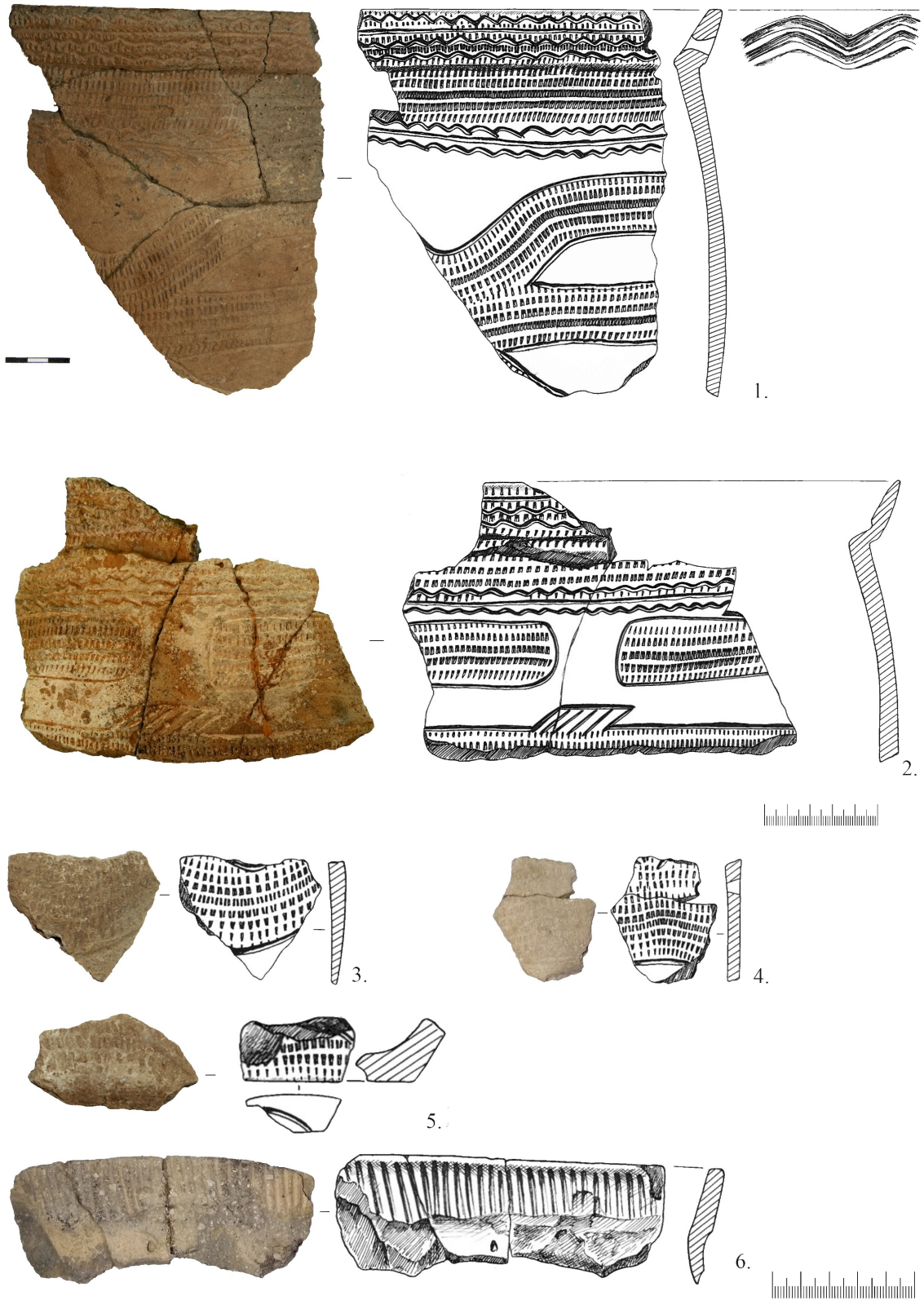

Рис. 2. Керамика прикаспийской культуры
[*Fig. 2.* Ceramics of the Caspian culture]

отщепах и массивных сколах (рис. 3: *1–3*), наконечниками стрел в форме «рыбки» как из кварцита (рис. 5: *10*), так и из кремня (рис. 5: *8*), обработанными бифациальной ретушью; остриями (рис. 3: *4*); вкладышами с ретушью на брюшке (рис. 3: *5*). Важно отметить, что часть заготовок сделана в технике усиленного отжима (рис. 3: *6*).

2. Хвалынский комплекс. К нему относятся округлодонные сосуды часто яйцевидной или шарообразной формы, с воротничком в виде более короткого, но часто массивного валика на внешней поверхности горловины. В хвалынском гончарстве получила распространение новая техника нанесения орнамента — оттиски плетеных фактур. Внешние проявления данного декора выглядят как непрерывные горизонтальные ряды тесно расположенных, овальных или полулунных вдавлений размером: длиной 2–4 мм (в основном — 3 мм) и шириной 1–1,5 мм. Иногда блоки из нескольких рядов таких отпечатков разделяются волнистой линией. Предполагается, что такой орнамент мог быть получен при использовании кожаных мешочков, декорированных вышивкой, либо плетеных полосок, сделанных путем оплетания уточной нитью нитей основы по принципу шва «назад иголкой» [Васильева 2002: 34–36].

Ко второй группе керамики отнесены 7 сосудов. Один венчик с утолщением овальной формы, орнаментированный отпечатками плетеных фактур, под срезом имеет горизонтальный ряд наколов (рис. 4: *1*). Еще два венчика слегка отогнуты, один украшен наколами по краю бордюрной зоны и горизонтальными рядами прочерков (рис. 4: *2*), а другой — отпечатками плетеных фактур, наколами и короткими прочерками (рис. 4: *3*). Два экземпляра имеют ряды отпечатков плетеных фактур и наколов (рис. 4: *4–5*). Несколько фрагментов стенок от двух сосудов орнаментированы отпечатками плетеных фактур разной интенсивности и размеров. В коллекции есть фрагменты от округлых неорнаментированных днищ (рис. 3: *6*). Толщина стенок варьируется от 0,7 до 0,9 см, а диаметр венчиков — от 10 до 40 см. Вышеперечисленные признаки характерны для хвалынской культуры [Васильев 2003: 85, 89, 94].

Подтверждается это и анализом каменного инвентаря. Для хвалынской группы присуще сочетание черного прозрачного и светло-серого матового сырья. Это фиксируется на опорных хвалынских стоянках интересуемого региона [Барынкин, Васильев 1988: 127], причем из этого материала присутствуют и предметы, свидетельствующие о первичном раскалывании: отщепы, осколки, аморфные куски и пластины без ретуши, но с коркой. Концевые скребки на отщепах и продольных сколах (рис. 5: *2–5*), острия (рис. 5: *6–7*), наконечники треугольной формы с прямым основанием, обработанные двусторонней ретушью (рис. 5: *1*), прямоугольные вкладыши (рис. 5: *9*). Такой набор изделий характерен для материалов хвалынской культуры [Барынкин 1989: 115].

3. Синкретический комплекс. Он включает 8 сосудов с чертами, характерными как для прикаспийской, так и для хвалынской посуды. Их можно разделить на две подгруппы. Четыре сосуда с прикаспийским воротничковым оформлением венчика имеют орнаментацию в виде отпечатков плетеных фактур в сочетании с наколами (рис. 6: *1–4*). Еще четыре экземпляра украшены оттисками гребенчатого штампа, но венчики имеют разную форму, характерную для хвалынской культуры (рис. 6: *5–8*). Примечательно, что один из сосудов орнаментирован сочетанием штампа и узкими наколами, нанесенными в отступающей технике (рис. 6: *5*). Диаметр венчиков колеблется от 10 до 36 см. Аналогичные фрагменты синкретического типа известны на ряде стоянок Северного Прикаспия [Барынкин, Васильев 1985: 70].

Таким образом, в коллекции памятника представлены сосуды, относящиеся как к прикаспийской культуре, так и к более поздней хвалынской. Наличие сосудов смешанного облика может говорить о взаимодействии населения этих культур.

Технико-технологический анализ керамики

Для прояснения вопроса о соотношении прикаспийского и хвалынского комплексов был проведен технико-технологический анализ керамики обоих типов.

Технология изготовления сосудов стоянки *Курпеже-молла* изучалась в рамках историко-культурного подхода по методике А. А. Бобринского, основанной на бинокулярной микроскопии, трасологии и эксперименте в виде физического моделирования

Рис. 3. Каменный инвентарь прикаспийской культуры
[*Fig. 3.* Stone inventory of the Caspian culture]

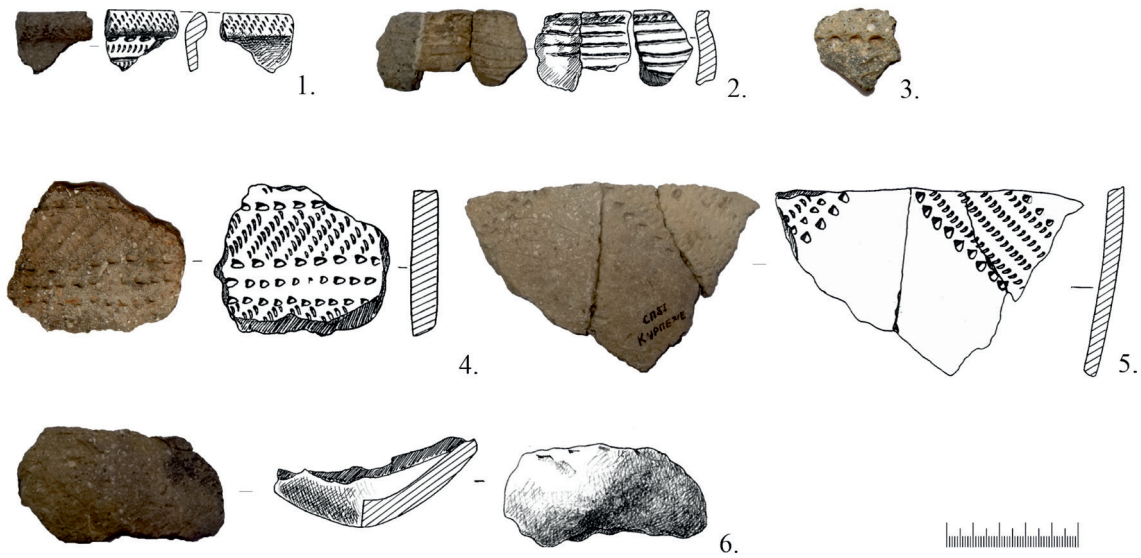

Рис. 4. Керамика хвалынской культуры
[*Fig. 4.* Ceramics of the Khvalynsk culture]

Рис. 5. Каменный инвентарь хвалынской культуры
[*Fig. 5.* Stone inventory of the Khvalynsk culture]

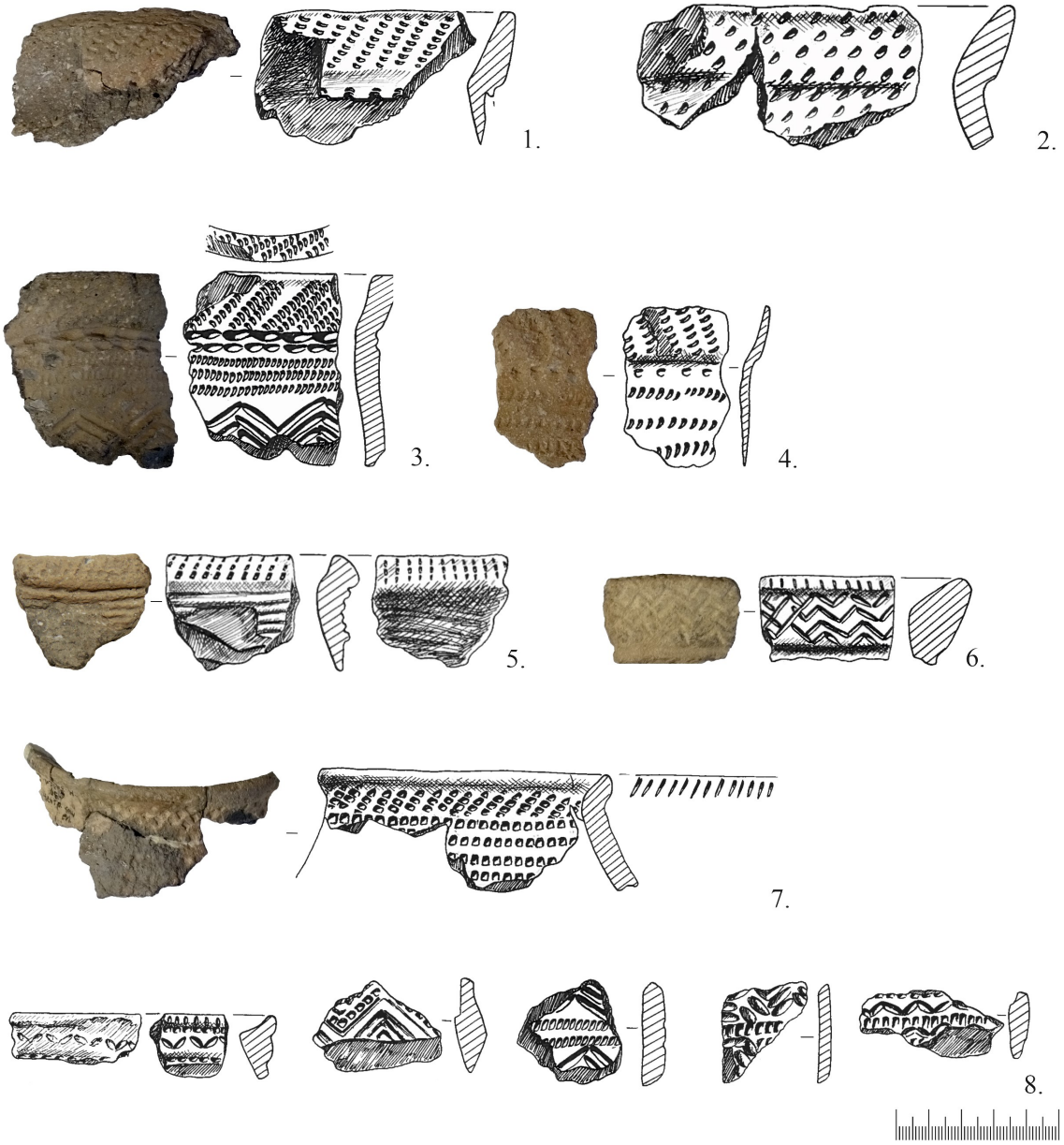

Рис. 6. Керамика синкретического типа
[*Fig. 6.* Ceramics of a syncretic type]

[Бобринский 1978]. К технико-технологическому анализу было привлечено 48 образцов энеолитической керамики памятника, из них: прикаспийской культуры — 31; хвалынской культуры — 10; с синкретическими чертами — 7. Исследовались развалы сосудов, фрагменты венчиков и орнаментированных стенок с четкими морфологическими признаками, позволяющими отнести их к определенному культурному комплексу. Ниже приведены результаты исследования керамики по всем ступеням гончарной технологии, которые можно реконструировать на современном уровне методики: от отбора исходного пластичного сырья (далее — ИПС) до придания прочности и влагонепроницаемости сосудов.

Данные о приемах труда на подготовительной стадии гончарного производства (отбор, добыча и подготовка ИПС; составление формовочных масс) представлены в табличном варианте.

Таблица 1. Исходное пластичное сырье керамики стоянки *Курпеже-молла*

[*Table 1*. Raw ceramic materials from the site of Kurpezhe-Molla]

Культурные керамические комплексы	Исходное пластичное сырье (ИПС)								
	ИЛЫ				ИЛИСТЫЕ ГЛИНЫ				ИТОГО / %
	жирные		тощие	всего / %	жирные		тощие	всего / %	
	Ж1	Ж2			Ж1	Ж2			
Керамика прикаспийской культуры									
ГШ+Прочер.	–	2	–	2	5	5	–	10	12
ГШ	1	2	–	3	1	5	–	6	9
ШГ+Прочер.	–	–	–	–	–	5	–	5	5
Прочер.+накол.	–	1	–	1	1	2	–	3	4
Без орн.	–	–	–	–	1	–	–	1	1
Итого:	1	5	–	6 / 19 %	8	17	–	25 / 81 %	31 / 100 %
Керамика хвалынской культуры									
Хвалынская АК	–	–	–	–	9	1	–	10 / 100 %	10 / 100 %
Керамика с синкретическими чертами									
Синкретическая		1	–	1 / 14 %	2	4	–	6 / 86 %	7 / 100 %
ВСЕГО:	1	6	–	7 / 15 %	19	22	–	41 / 85 %	48 / 100 %

Сокращения: Ж1 — жирный подвид ИПС; ГШ — гребенчатый штамп; Прочер. — прочерчивание; ШГ — «шагающая гребенка»; накол. — накалывание; АК — археологическая культура.

Таблица 2. Формовочные массы керамики *Курпеже-молла*

[*Table 2*. Ceramic molding compounds from the site of Kurpezhe-Molla]

Культурные керамические комплексы	Рецепты формовочных масс (ФМ)			ИТОГО:
	Органические растворы (ОР)	Дробленая раковина (ДР)	ДР+ОР	
Керамика прикаспийской культуры				
ГШ+Прочер.	1	1	10	12
ГШ	5	–	4	9
ШГ+Прочер.	–	5	–	5
Прочер.+накол.	1	–	3	4
Без орн.	–	–	1	1
ИТОГО:	7 / 23 %	6 / 19 %	18 / 58 %	31 / 100%
Керамика хвалынской культуры				
Хвалынская	–	4 / 40 %	6 / 60 %	10 / 100 %
Керамика с синкретическими чертами				
Синкретическая	1 / 14 %	–	6 / 86 %	7 / 100 %
ВСЕГО:	8	10	30	48

В гончарстве энеолитического населения стоянки *Курпеже-молла* использовались два вида ИПС — илы и илистые глины. Их качественный состав очень близок: 1) глинистый субстрат; 2) песок, в основном пылевидный; 3) не растворившиеся окатанные комочки чистой глины размером 0,5–3 мм (рис. 8: *1*); 4) железистые включения разного цвета и формы; 5) мелкие немногочисленные обломки раковин пресноводных моллюсков (рис. 7: *5–6*); 6) единичные остатки костей и чешуи рыбы (рис. 8: *2*).

Основным различием этих видов ИПС является концентрация и размерность растительности (наземной и водной) — большая и средняя в илах (рис. 7: *1–2*) и незначительная в илистых глинах (рис. 7: *3–4*). Глинистый компонент — ожелезненные незапесоченные (высокопластичные) глины с пылевидным песком аллевритовой фракции (менее 0,1 мм); единично встречаются более крупные песчинки (более 0,1 мм). По видимой под микроскопом (МБС-1) концентрации пылевидного песка были выделены два подвида ИПС: жирные 1 (Ж1) и жирные 2 (Ж2). В сырье Ж2 пылевидного песка значительно больше, но поскольку он вряд ли подлежал четкому различению тактильными способами, которыми пользовались древние гончары, то оба подвида ИПС отнесены нами к жирным (незапесоченным). Такая детализация важна для выяснения различий гончарных традиций населения разных культур и дальнейшего выхода на конкретные источники сырья.

Сравнительный анализ полученных данных показал, что архаичное пластичное сырье (илы) применялось в гончарных производствах населения прикаспийской культуры (19 % от общего числа сосудов этой культуры) и при изготовлении керамики с синкретическими чертами (14 %). Хвалынская группа населения полностью перешла на илистые глины. Обращает на себя внимание факт, что наиболее массово приемы отбора илов были распространены среди гончаров прикаспийской культуры, связанных с гребенчатой орнаментальной традицией. Определенная специфика выяснилась при сравнении данных по подвидам Ж1 и Ж2. Керамика хвалынской культуры практически вся сделана из высокопластичных илистых глин Ж1, в то время как большая часть прикаспийской и синкретической посуды была изготовлена из илов и илистых глин подвида Ж2. Таким образом, микроскопическое изучение ИПС керамики стоянки позволило выявить определенное сходство гончарных традиций энеолитического населения, изготавливавшего посуду разных культурных комплексов, и в то же время определить черты существенных различий, которые могут быть учтены при группировке керамического инвентаря стоянки.

На ступени составления ФМ (смеси ИПС и искусственных примесей) были определены три традиции: 1) ИПС+ОР (органический раствор); 2) ИПС+ОР+ДР (дробленая раковина); 3) ИПС+ДР (в случае, когда не было четких признаков ОР). Органические растворы — жидкие клеящие природные материалы, от которых, после сушки и обжига, в черепке посуды остаются аморфные и щелевидные пустоты размером 1–5 мм, а их стенки покрыты веществом определенного цвета и плотности (рис. 8: *5–6*).

Дробленая раковина — створки пресноводных моллюсков, специально собранные, термически обработанные и растертые в порошок, добавлялись в ФМ в разной концентрации (рис. 8: *3–4*).

Добавка органических растворов — реликтовая неолитическая традиция, которая была связана в основном с илами. Однако при изучении керамики стоянки были определены случаи, когда в илы вводилась дополнительно и примесь дробленой раковины. Хотя известно, что приемы подготовки ФМ с добавлением ДР получили массовое распространение при переходе к илистым глинам. Материалы изучаемой стоянки показали, что были известны приемы составления ФМ из илистых глин с введением только ОР, без раковины. Данные микроскопического изучения керамики указывают на то, что в хвалынских гончарных производствах традиция введения ДР (часто вместе с ОР) была единственной. Приемы подготовки ФМ гончаров прикаспийской культуры и изготовителей синкретической посуды были более неоднородными.

Фрагментарное состояние керамики стоянки *Курпеже-молла* позволяет сделать лишь общее заключение о широком использовании в технологии изготовления энеолитической посуды лоскутного налепа. Изучение немногочисленных развалов сосудов указывает на применение зонального ло-

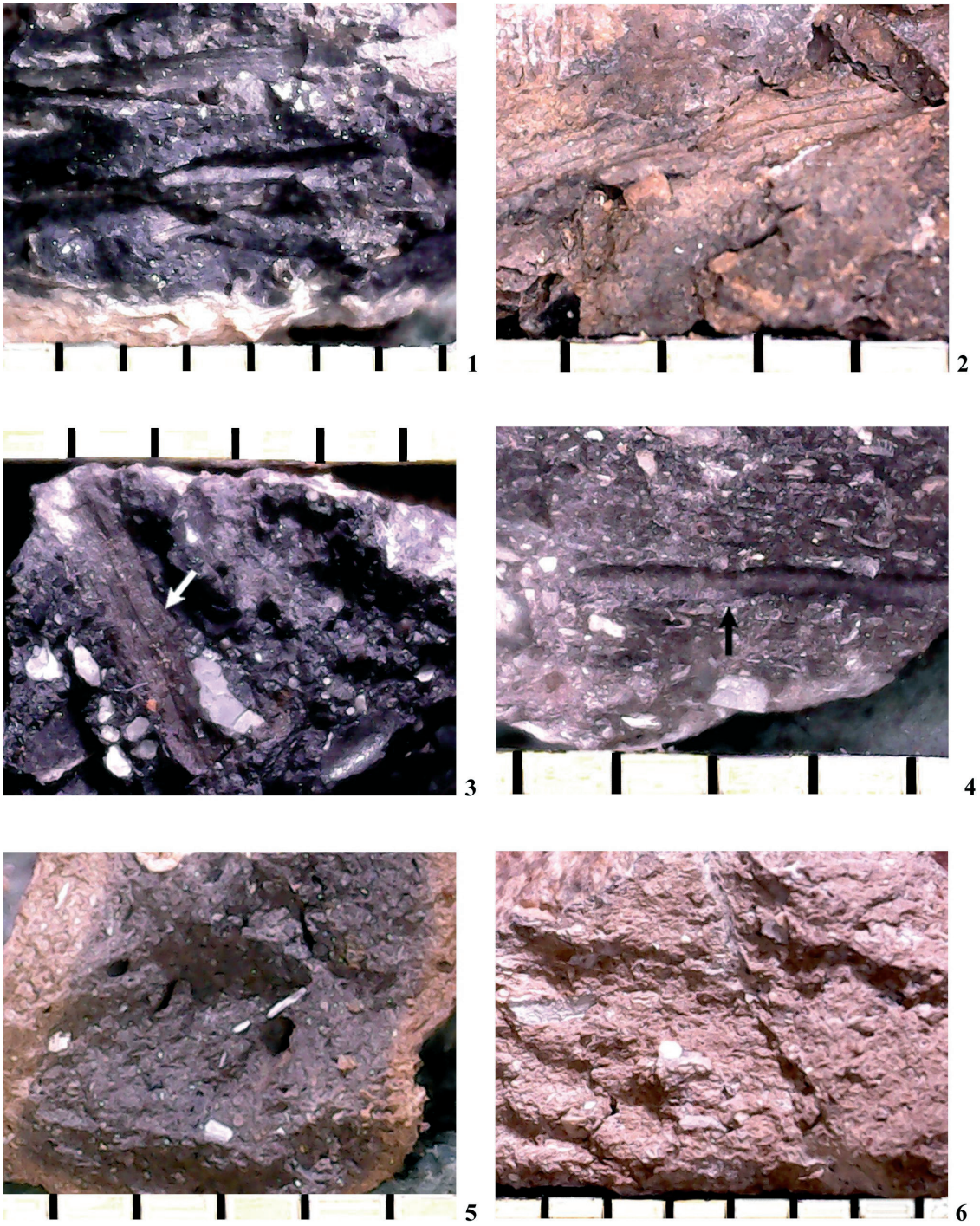

Рис. 7. Керамика стоянки *Курпеже-молла*: 1, 2 — остатки растительности в илистом сырье, 3, 4 — единичные растительные остатки в илистых глинах, 5, 6 — обломки раковины естественного происхождения
[*Fig. 7.* Ceramics from the site of Kurpezhe-Molla: *1, 2* — plant remains in silty raw materials, *3, 4* — singular plant remains in silty clays, *5, 6* — natural shell fragments]

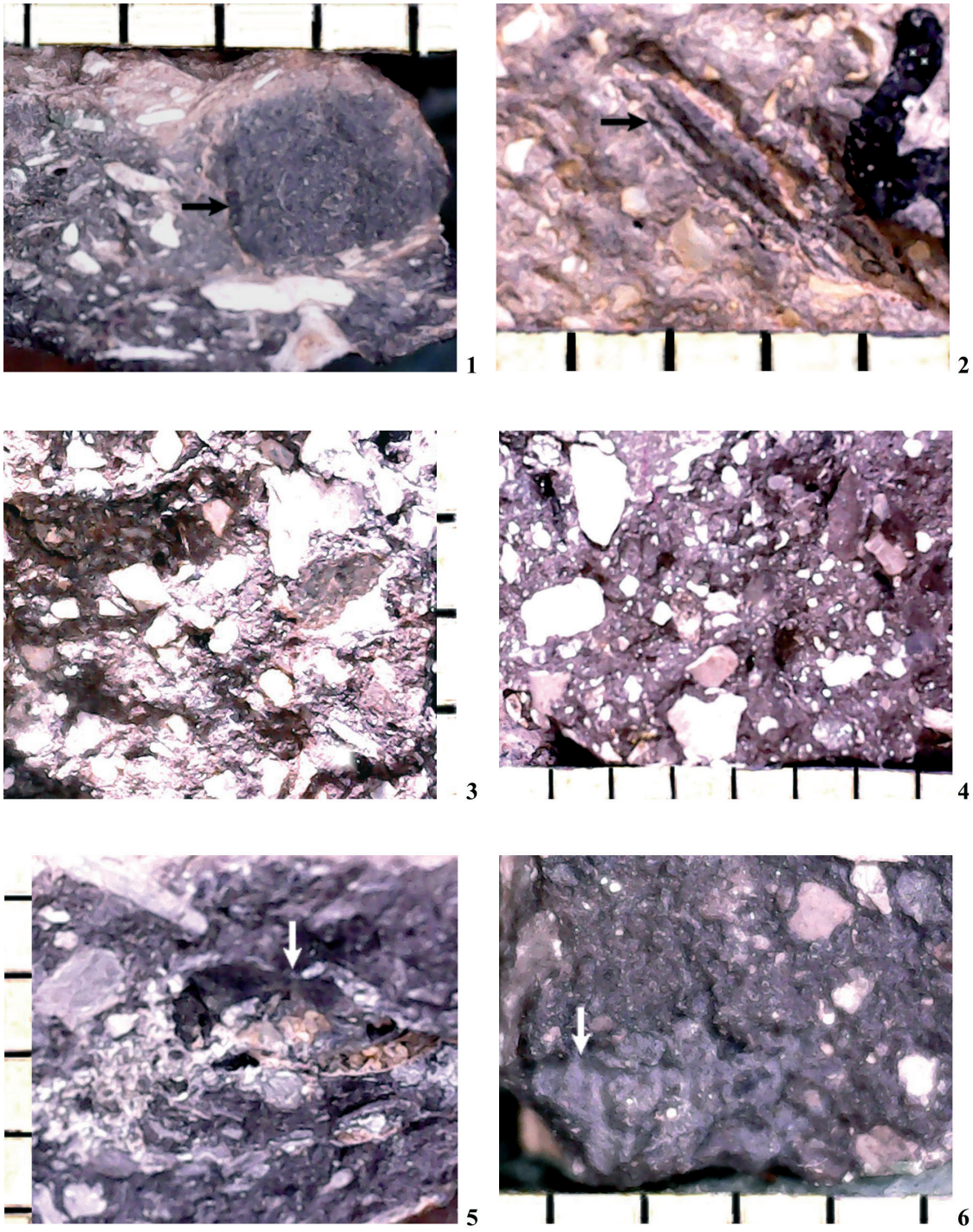

Рис. 8. Керамика стоянки *Курпеже-молла*: 1 — комочки чистой глины в ИПС; 2 — отпечаток кости на поверхности сосуда; 3, 4 — искусственная примесь дробленой раковины; 5, 6 — следы органических растворов

[*Fig. 8.* Ceramics from the site of Kurpezhe-Molla: *1* — lumps of pure clay in initial plastic raw materials; *2* — bone imprint on a vessel's surface; *3, 4* — crushed shell admixture; *5, 6* — traces of organic solutions]

скутного налепа, т. е. изготовление крупных сосудов поэтапно, по отдельным зонам с выравниванием предварительного спая сделанной части. Зафиксирован прием создания «воротничка» в виде специального наращивания отдельными лоскутками, с целью утолщения верхней части горловины сосуда. В качестве приемов формообразования предполагается применение форм-моделей и выбивание. На ступени обработки поверхностей сосудов выявлены безгрунтовочные способы: ручное заглаживание, уплотнение (способ, аналогичный лощению, но без характерного блеска), реже лощение с матовым блеском. Возможно, этот прием применялся большей частью неосознанно — в процессе уплотнения сырой поверхности отполированными предметами (галька, кость). Эта операция занимала продолжительное время, в течение которого происходило частичное высыхание, поверхность сосуда приобретала кожетвердое состояние, необходимое для появления блеска. Заглаживание производилось деревянными и костяными орудиями, кусочками мягких материалов (кожей), пальцами гончара. Единично зафиксированы случаи заглаживания гребенчатыми штампами на посуде прикаспийской культуры и с синкретическими чертами, на хвалынской керамике такие следы не выявлены. В целом же способы конструирования сосудов разных культурных комплексов были очень близки, и четкие признаки их различий не обнаружены.

Основным приемом придания прочности и устранения влагопроницаемости посуды на закрепительной стадии гончарной технологии являлся обжиг. Механическая прочность черепка энеолитических сосудов довольно высокая. Их поверхность преимущественно пятнистая: светло-коричневая с серыми и бурыми пятнами. Окраска изломов представлена 2–3-слойными видами: с коричневыми и серыми прослоями, реже однослойными — полностью коричневыми или черными и темно-серыми. Эти признаки указывают на неравномерный костровой обжиг с продолжительным периодом низких температур и краткой выдержкой при температурах каления (650º–700º). Сохранность примеси раковины указывает на режимы обжига, связанные с длительной изоляцией обжигаемой продукции от открытого огня.

Суммируя результаты технико-технологического анализа энеолитической керамики стоянки *Курпеже-молла*, можно выделить наиболее специфичные черты гончарных производств разных культурных групп. Для прикаспийской культуры — определенная смешанность представлений об ИПС (отбор илов и илистых глин); неоднородность традиций отбора ИПС и источников сырья (подвиды Ж1 и Ж2); распространение разных приемов составления ФМ (ИПС+ОР; ИПС+ДР; ИПС+ОР+ДР); использование гребенчатых штампов при обработке поверхностей сосуда. Для хвалынской культуры — наоборот — большая однородность гончарных традиций (использование илистых высокопластичных глин подвида Ж1, массовое применение приемов составления ФМ с искусственной дробленой раковиной; отсутствие способов заглаживания поверхностей сосудов гребенчатыми штампами). В производствах синкретической керамики существовали смешанные традиции, характерные как для прикаспийского, так и хвалынского гончарства.

Выявленные различия будут понятны благодаря знаниям о древней гончарной технологии, накопленным в результате исследования керамики Поволжья предшествующего неолитического времени [Васильева 1999а; Васильева 2009] и энеолитических могильников [Васильева 1999б; Васильева 2002].

По материалам стратифицированной Варфоломеевской стоянки в степном Поволжье были зафиксированы эволюционные изменения в гончарстве населения орловской культуры уже в неолите — переход от илов (как моносырья) к илистым глинам (как основному сырью) и формированию традиции введения в ФМ искусственной дробленой раковины. К энеолиту новая технология получила широкое распространение в Нижнем Поволжье. В соответствии с ней изготовлено 81 % сосудов прикаспийской культуры *Курпеже-молла*.

Наличие того факта, что пятая часть сосудов стоянки сделана из архаичного сырья (ила) с органическим раствором, можно было бы объяснить это именно «переходным» характером прикаспийского гончарства и остаточными проявлениями эволюции представлений ранненеолитиче-

ского населения об илах как сырье для изготовления бытовой посуды. В то же время вызывают интерес данные, полученные по керамике *Курпеже-молла*, указывающие на тесную связь навыков применения илов в гончарстве и традиции декорирования прикаспийских сосудов гребенчатыми штампами (причем, именно штампами с крупными четырехугольными зубцами, отличными от зубчатых). Они могут указывать на возможную миграцию новых групп населения. Необходима дальнейшая разработка этой проблемы.

Изучение керамики хвалынской культуры, обнаруженной на стоянке *Курпеже-молла*, показало однородность гончарных традиций и гомогенность хвалынского населения, а также несомненную связь с неолитическим орловским гончарством. Прослеживается их существенная близость с большей частью прикаспийских гончарных традиций. Наличие в материалах стоянки сосудов с синкретическими морфологическими чертами может указывать на непосредственные контакты и взаимодействие прикаспийской и хвалынской групп энеолитического населения Северного Прикаспия.

Хронологические рамки комплексов

Что касается хронологических рамок рассмотренных комплексов, то для прикаспийского было получено две даты по органике в керамике: 6 050±80 и 6 020±80 лет BP [Выборнов и др. 2019: 362].

Для их верификации сделана еще одна дата по этому же сосуду (рис. 2: *1*) — 6 100±100 BP (5 226–4 786 BC) (SPb_3558). Учитывая поправку, можно констатировать их совпадение. Для поселенческих материалов хвалынской культуры Северного Прикаспия наиболее ранние даты относятся к 5 900 лет BP [Выборнов и др. 2019: 362]. Иначе говоря, фиксируется определенный хронологический разрыв порядка 200–150 лет. Чтобы установить это соотношение непосредственно на данном памятнике, было сделано две даты. Первая по керамике, орнаментированной в виде отпечатков плетеных фактур (рис. 4: *5*), — 5 790±100 BP (4 853–4 440 BC) (SPb_3555), а вторая — по коллагену костей кулана: 5 658±100 BP (4 721–4 335 BC) (SPb_2986). Даже без учета калибрования, только с поправкой эти даты почти перекрываются.

Одни специалисты относят такие типы к гибридным [Барынкин 2003: рис. 2, *3*], а другие к хвалынским [Васильев 2003: рис. 15, *6*]. Во-первых, есть даты, подтверждающие существование в Северном Прикаспии «хвалынцев» до 5 400 лет BP [Выборнов и др. 2019: 362].

Во-вторых, не следует исключать неоднократное заселение памятника в разные этапы бытования как прикаспийской, так и хвалынской культур. Например, фрагменты прикаспийского типа характеризуются небольшими размерами, а один из них достаточно крупный и сохранивший значительную часть сосуда. Складывается впечатление, что он является более поздним из этой группы, не подверженный разрушению более поздним населением. А сосуд, сочетающий воротничок и наколы, демонстрирует сосуществование «прикаспийцев» с носителями тентексорского типа позднего неолита. Для последнего предположения есть и хронологические основания: неолитические датируются 5 500 лет BC, а по воротничковому сосуду со стоянки *Буровая 40* [Барынкин, Козин 1998: рис. 5, *4*] получена новая дата 6 560±100 BP (5 671–5 312 BC) (SPb_3557). Она несколько моложе по сравнению с двумя, полученными ранее: 6 880±80 и 6 790±80 лет BP. Нам представляется, что новая дата более валидна.

Выводы

На основе всестороннего анализа материалов стоянки *Курпеже-молла* установлен ее многокомпонентный характер. Кроме артефактов прикаспийской культуры, присутствуют материалы хвалынского типа. Полученные радиоуглеродные даты фиксируют более ранний возраст прикаспийских древностей. В то же время есть материалы, свидетельствующие о контактах носителей прикаспийской культуры как с тентексорским, так и хвалынским населением. Прослеживаются как сходные, так и различительные признаки в типологии и технологии изготовления посуды этих культур. Это позволяет предполагать перерастание прикаспийской керамической традиции в хвалынскую или их сосуществование на определенном этапе.

Литература

Барынкин, Васильев 1985 — *Барынкин П. П., Васильев И. Б.* Новые энеолитические памятники Северного Прикаспия // Археологические памятники на европейской территории СССР. Воронеж: ВГПИ, 1985. С. 58–73.

Барынкин, Васильев 1988 — *Барынкин П. П., Васильев И. Б.* Стоянка хвалынской энеолитической культуры *Кара-Худук* в Северном Прикаспии // Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев: КГПИ, 1988. С. 123–141.

Барынкин 1989 — *Барынкин П. П.* Энеолитический памятник *Каиршак VI* из южной части Волго-Уральского междуречья // Неолит и энеолит Северного Прикаспия. Куйбышев: КГПИ, 1989. С. 106–117.

Барынкин 1992 — *Барынкин П. П.* Энеолит и ранняя бронза Северного Прикаспия: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1992. 26 с.

Барынкин, Козин 1998 — *Барынкин П. П., Козин Е. В.* Природно-климатические и культурно-демографические процессы в Северном Прикаспии в раннем и среднем голоцене // Проблемы древней истории Северного Прикаспия. Самара: СГПУ, 1998. С. 66–82.

Барынкин 2003 — *Барынкин П. П.* Северный Прикаспий в период энеолита и ранней бронзы // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3. Самара: СНЦ РАН, 2003. С. 47–60.

Бобринский 1978 — *Бобринский А. А.* Гончарство Восточной Европы. М.: Наука, 1978. 272 с.

Васильев 1981 — *Васильев И. Б.* Энеолит Поволжья. Куйбышев: КГПИ, 130 с.

Васильев 2003 — *Васильев И. Б.* Хвалынская энеолитическая культура Волго-Уральской степи и лесостепи // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 3. Самара: СНЦ РАН, 2003. С. 61–99.

Васильева 1999а — *Васильева И. Н.* Гончарство населения Северного Прикаспия в эпоху неолита // Вопросы археологии Поволжья. Самара: СамГПУ, 1999. С. 72–96.

Васильева 1999б — *Васильева И. Н.* Технология керамики могильника у с. Съезжее // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 3. Оренбург: ОПГУ, 1999. С. 191–216.

Васильева 2002 — *Васильева И. Н.* О технологии керамики I Хвалынского могильника // Вопросы археологии Поволжья. Вып. 2. Самара: СамГПУ, 2002. С. 15–49.

Васильева 2009 — *Васильева И. Н.* Об эволюции представлений о пластичном сырье в среде неолитического населения степного Поволжья (по материалам Варфоломеевской стоянки) // Проблемы изучения культур раннего бронзового века степной зоны Восточной Европы. Оренбург: ОГПУ, 2009. С. 65–77.

Выборнов и др. 2019 — *Выборнов А. А., Косинцев П. А., Кулькова М. А., Дога Н. С., Платонов В. И.* Время появления производящего хозяйства в Нижнем Поволжье // Stratum plus. 2019. № 2. С. 359–368.

Выборнов, Дога, Кулькова 2020 — *Выборнов А. А., Дога Н. С., Кулькова М. А*. Вариант перехода к энеолиту в Нижнем Поволжье // Краткие сообщения института археологии РАН. Вып. 258. М.: Ин-т археологии РАН, 2020. С. 65–74.

Зайцева и др. 2011 — *Зайцева Г. И., Скаковский Е. Д., Посснерт Г., Выборнов А. А., Ковалюх Н. Н., Скрипкин В. В.* Органическое вещество керамики: Природа, органические компоненты и достоверность радиоуглеродных дат // Труды III Всероссийского археологического съезда. Т. II. СПб.; М.; В. Новгород: ИИМК, 2011. С. 383–385.

Кузьмина 1988 — *Кузьмина И. Е.* Млекопитающие Северного Прикаспия в голоцене. Археологические культуры Северного Прикаспия. Куйбышев: КГПИ, 1988. С. 173–188.

Кулькова 2014 — *Кулькова М. А.* Радиоуглеродное датирование древней керамики // Самарский научный вестник. 2014. № 3(8). С. 115–122.

Мелентьев 1976 — *Мелентьев А. Н.* Памятники неолита Северного Прикаспия (памятники прикаспийского типа) // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев: КГПИ, 1976. С. 13–14.

Моргунова 2011 — *Моргунова Н. Л.* Энеолит Волжско-Уральского междуречья. Оренбург: ОГПУ, 2011. 220 с.

Юдин 1995 — *Юдин А. И.* Неолит и энеолит степного Заволжья: автореф. дисс. … канд. ист. наук. М., 1995. 16 с.

Юдин 2005 — *Юдин А. И.* Прикаспийская культура в системе энеолита Нижнего Поволжья // Известия Самарского научного центра РАН. 2005. С. 160–167.

Vybornov, Kosintsev, Kulkova 2015 — *Vybornov A., Kosintsev P., Kulkova M.* The Origin of Farming in Lower Volga Region // Documenta Praehistorica. 2015. Vol. 42. Pp. 67–75.

References

Barynkin P. P. Eneolithic and Early Bronze Age in the Northern Caspian. Cand. Sc. (history) thesis abstract. Moscow, 1992. 26 p. (In Russ.)

Barynkin P. P. Eneolithic and Early Bronze Age in the Northern Caspian. In: Questions of Archaeology in the Volga Region. Vol. 3. Samara: Samara Scientific Center (RAS), 2003. Pp. 47–60. (In Russ.)

Barynkin P. P. Kairshak VI: Eneolithic site from southern parts of the Volga-Ural river system reviewed. In: Neolithic and Eneolithic in the Northern Caspian. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 1989. Pp. 106–117. (In Russ.)

Barynkin P. P., Kozin E. V. Early and Middle Holocene in the Northern Caspian: Natural, climatic, cultural, and demographic processes analyzed. In: Northern Caspian. Approaching the Issues of Ancient History. Samara: Samara State Pedagogical University, 1998. Pp. 66–82. (In Russ.)

Barynkin P. P., Vasilyev I. B. Kara-Khuduk: One site of the Khvalynsk culture from the Northern Caspian analyzed. In: Archaeological Cultures of the Northern Caspian. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 1988. Pp. 123–141. (In Russ.)

Barynkin P. P., Vasilyev I. B. Northern Caspian: Newly discovered Eneolithic sites reviewed. In: Archaeological Sites in the European USSR. Voronezh: Voronezh State Pedagogical Institute, 1985. Pp. 58–73. (In Russ.)

Bobrinsky A. A. Pottery of Eastern Europe. Moscow: Nauka, 1978. 272 p. (In Russ.)

Kulkova M. A. Radiocarbon dating of ancient pottery. *Samara Journal of Science*. 2014. No. 3(8). Pp. 115–122. (In Russ.)

Kuzmina I. E. Mammals of the Northern Caspian in the Holocene: Archaeological Cultures of the Northern Caspian. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, Pp. 173–188. (In Russ.)

Melentyev A. N. Neolithic sites of the Northern Caspian (Caspian culture). In: Problems of Archaeology in the Volga and Ural Regions. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 1976. Pp. 13–14. (In Russ.)

Morgunova N. L. Eneolithic in the Volga-Ural River System. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 2011. 220 p. (In Russ.)

Vasilyev I. B. Eneolithic culture of Khvalynsk in the Volga-Ural steppe and forest-steppe areas. In: Questions of Archaeology in the Volga Region. Vol. 3. Samara: Samara Scientific Center (RAS), 2003. Pp. 61–99. (In Russ.)

Vasilyev I. B. Eneolithic in the Volga Region. Kuybyshev: Kuybyshev State Pedagogical Institute, 130 p. (In Russ.)

Vasilyeva I. N. Burial site near the village of Syezjee [Samara Oblast]: Ceramics production techniques reviewed. In: Archaeological Sites in Orenburg Lands. Vol. 3. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 1999. Pp. 191–216. (In Russ.)

Vasilyeva I. N. Khvalynsk burial site I: Ceramics production techniques revisited. In: Questions of Archaeology in the Volga Region. Vol. 2. Samara: Samara State Pedagogical University, 2002. Pp. 15–49. (In Russ.)

Vasilyeva I. N. Neolithic in the Northern Caspian: Pottery practices reviewed. In: Questions of Archaeology in the Volga Region. Samara: Samara State Pedagogical University, 1999. Pp. 72–96. (In Russ.)

Vasilyeva I. N. The evolution of ideas relating to pottery raw materials in the Neolithic population of the Volga steppes revisited: A case study of the Varfolomeevka site. In: Problems of Exploring Early Bronze Age Cultures from the Eastern European Steppe Zone. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 2009. Pp. 65–77. (In Russ.)

Vybornov A. A., Doga N. S., Kulkova M. A. The variant of the transition to the Eneolithic in the Lower Volga Region. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii* (*Brief Communications of the Institute of Archaeology*). 2020. No. 258. Pp. 65–74. (In Russ.)

Vybornov A. A., Kosintsev P. A., Kulkova M. A., Doga N. S., Platonov V. I. When food producing economy appeared in the Lower Volga Region. *Stratum plus*. 2019. No. 2. Pp. 359–368. (In Russ.)

Vybornov A., Kosintsev R., Kulkova M. The origin of farming in Lower Volga Region. *Documenta Praehistorica*. 2015. Vol. 42. Pp. 67–75. (In Eng.)

Yudin A. I. Caspian culture as part of the Eneolithic system in the Lower Volga. *Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2005. S. 160–167.

Yudin A. I. Neolithic and Eneolithic in Transvolga Steppes. Cand. Sc. (history) thesis abstract. Moscow, 1995. 16 p. (In Russ.)

Zaytseva G. I., Skakovsky E. D., Possnert G., Vybornov A. A., Kovalyukh N. N., Skripkin V. V. Organic matter in ceramics: [Physical] properties, organic components, and authenticity of radiocarbon dates approached. In: Third National Congress of Archaeologists. Transactions. Vol II. St. Petersburg, Moscow, Veliky Novgorod: Institute for Material Culture History (RAS), 2011. Pp. 383–385. (In Russ.)